В театроведческой литературе, насколько мне известно, очень мало внимания уделено роли Симеона Полоцкого в формировании русской театральной терминологии. Так, например, не отмечено, что уже в „Комидии притчи о блуднем сыне“ (часть пятая) в одной ремарке употреблено слово „феатр“ в значении „сцена“ (актеры „пойдут за завесу... токмо един слуга на феатре останет...“).[1] Если принять обычную датировку написания „Комидии притчи о блуднем сыне“ 1673—1675 годами, то можно с уверенностью сказать, что здесь слово „феатр“ было употреблено за тридцать почти лет до общепринятой и общепризнанной даты якобы первого употребления слова „театр“ в русской литературе: согласно В. Н. Всеволодскому-Гернгроссу, такой датой является 1702 год.[2]

Впервые употребил Симеон Полоцкий в этой же комедии и термин „интермедия“, правда, еще в латинском написании. В конце первой части „Комидии“ есть ремарка: „И пойдут вси за завесу. Певцы поют, и будет intermedium“, причем последнее слово, по указанию издателя, Н. С. Тихонравова, „приписано собственною рукою Полоцкого“.[3] В дальнейшем слово „интермедиум“ (в латинском написании) встречается в конце всех последующих частей этой пьесы, за исключением шестой, ремарка которой гласит: „Пение будет, а по нем епилог“.[4]

В литературе уже обсуждался вопрос о том, как надо понимать термин „intermedium“ у Симеона Полоцкого. Н. Ласточкин, автор специальной статьи „Комедия притчи о блуднем сыне“, проанализировал указанные ремарки и предположил, что „именно они-то и касались сценария интермедий“.[5] Однако предположение это явно не убедительно. Не останавливаясь здесь подробно на данных, не позволяющих нам согласиться с точкой зрения Н. Ласточкина, укажем только, что его истолкование стиха „по всяцей оных ‹шести частей› нечто примесихом“, считаем все же правильным. Таким образом, в „Комидии притчи о блуднем сыне“ были какие-то „интермедиумы“, введенные „утехи ради“; очевидно, это были вовсе не связанные с притчей забавные сценки; в противном случае, если бы интермедии развивали сюжет притчи, Симеон Полоцкий не стал бы говорить, что „все стужает, еже едино без премен бывает“.

Хотя „интермедиумы“ „Комедии притчи о блуднем сыне“ до нас не дошли, мы все же можем на основании аналогичных интермедий или интерлюдий, сохранившихся от других пьес XVII и начала XVIII века, судить о характере и существе этого жанра. В нескольких рукописях не всем понятные латинские названия „интермедия“ и „интерлюдия“ авторы или переписчики передавали своими русскими эквивалентами. Так, в „Русских драматических произведениях“ Н. С. Тихонравова[6] приведены под одним общим заглавием несколько интермедий, названные здесь „междоречием“ и относимые издателем к концу XVII века.

---

[1] Симеон Полоцкий, Избранные сочинения, стр. 184. Слово „театр“, или „феатр“, в „Материалах“ Срезневского и в „Лексиконе треязычном“ Ф. Поликарпова отсутствует.

[2] В. Н. Всеволодский-Гернгросс. История русского театра, т. I, стр. 54.

[3] Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения, т. 1, стр. 303. Тихонравов взял текст „Комидии“ из рукописного „Рифмологиона“ Симеона Полоцкого.

[4] Симеон Полоцкий, Избранные сочинения, стр. 173, 177, 182 и 187.

[5] Н. Ласточкин. Комедия притчи о блудном сыне. Сб. „Старинный спектакль в России“, Л., 1928, стр. 129.

[6] Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения, т. 1, стр. 400—410.